УДК 7.072(051)(470)"1898/1924"

А. С. Яковлева

Проблема национальной художественной традиции в статьях Д. В. Философова и А. Н. Бенуа в журнале «Мир искусства»

В статье поднимается проблема поиска национального пути русского искусства на рубеже XIX–XX вв. На страницах журнала «Мир искусства» разворачивалась полемика по поводу данного вопроса. Спор Д. В. Философова и А. Н. Бенуа отразил специфику взглядов современников на прошлое, настоящее и будущее русского искусства.

Ключевые слова: Д. Философов, А. Бенуа, журнал Мир искусства, национальная художественная традиция, В. Васнецов, А. Иванов

Anastasia S. Yakovleva

Problem of national art traditions in articles in journal «World of art» by D. Filosofov and A. Benua

The problem national way of Russian art at the turn of 19th–20th centuries is discussed. On the pages of the journal «World of art» debates about this issue are happened. Dispute of D. Filosofov and A. Benua showed the specifics of the views of contemporaries on the past, present and future of Russian art.

Keywords: D. Philosofov, A. Benua, journal World of art, national art tradition, V. Vasnetsov, A. Ivanov

Журнал «Мир искусства», появившийся в самом конце XIX столетия, ценен сегодня, прежде всего, тем, что в нем обозначены трудные поиски русской культуры рубежа веков. На почве журнала возникали неожиданные творческие союзы, резкие публичные выступления и споры, острейшие конфликты между бывшими единомышленниками. Кроме того, текстовое и иллюстративное содержание «Мира искусства» выявляет основные проблемы, волновавшие литераторов и художественных критиков того времени. Не будет большим упрощением, на наш взгляд, утверждать, что какое бы явление русской культуры и искусства ни рассматривали современники, они, как правило, подходили к нему или с точки зрения понятия «художественности», или с позиций оценки его национальных характеристик и задач, или стремились соединить два предыдущих начала в своеобразный метод, подкрепляя его теоретическим корпусом или руководствуясь правом на субъективный взгляд на вещи. Во всех случаях много говорили о духовных традициях и культурно-историческом опыте, о социальных и эстетических задачах искусства, о соотношении нравственных и художественных исканий. Потому попытки сформулировать основные задачи творчества на национальном уровне неизбежно связывались с представлениями об исторической миссии России и ее месте в мировом культурном пространстве.

Многообразные суждения о национальных особенностях русской художественной культуры не обошли стороной и журнал «Мир искусства». Более того, эта тема вообще пронизывала всю его идейную основу. Именно на почве «национальной традиции» возникали многочисленные споры и столкновения. Разногласия касались не только существа проблемы, но и способов подхода к ней. Зачастую вопрос заключался не в признании прав на существование какого-либо явления, а в способе его интерпретации. Здесь мы можем выделить два основных угла зрения: религиозно-философский и художественный. Подчас эти две точки отсчета были очень тесно связаны между собой. В национальном начале чаще всего вместе с религиозным заключался серьезный художественный ресурс, который затрагивал важную область творческих поисков – концепцию бытия человека во времени и пространстве.

Еще один немаловажный вопрос касался отношения современного этапа развития искусства к прошедшему и часто сводился к лаконичной формуле – «Упадок или возрождение?». Иногда разъяснение этих понятий приобретало чисто терминологический интерес, а порой эстетические позиции противоборствующих сторон вырисовывались с достаточной отчетливостью. Как бы то ни было, основой полемики для «мирискусников» становилось осознание своей собственной исторической миссии, формулирование своих эстетических взглядов именно как факта национального самосознания.

Все это очень ясно сказалось в отношении участников журнала к В. Васнецову. Глубокое

расхождение в оценке этого художника, которое сначала лишь наметилось, со временем только разрасталось. Как только А. Бенуа печатно высказался о Васнецове в первой части своей книги «История русской живописи XIX в.», вышедшей в 1901 г., Д. Философов отреагировал большой статьей в десятом номере журнала «Мир искусства» «Иванов и Васнецов в оценке Александра Бенуа». Уже в следующем номере Бенуа опубликовал свой «Ответ г. Философову». Это был первый большой публичный спор между сотрудниками журнала и членами кружка, который выявил главные различия между взглядами бывших единомышленников. Полемика была многоплановой и имела характерную для того времени направленность – отношение искусства к религиозно-нравственным идеалам.

Отмечая свежесть взгляда и беспристрастность в суждениях, основанных исключительно на собственном художественном вкусе, Философов вместе с тем критикует Бенуа за нечеткость его методологии. Он отмечает, что «г. Бенуа не всегда выдерживает эту чисто субъективную точку зрения. Во второй половине своего исследования автор ни с того ни с сего устыдился своего субъективизма <…> и постарался замаскировать его возвышенными речами о религиозных идеалах русского народа, о миссии русского художника и т. п. и таким образом как-нибудь более объективно обосновать свое отношение к предмету. Я говорю „постарался“, потому что все эти старания **успехом не увенчались** (здесь и далее выделено Д. Философовым. – *А. Я.*). Тонкому космополиту все-таки не удалось замаскировать своего эстетического эпикуреизма, прозрачность же изложения книги затемнилась, архитектура ее разрушилась»[1]. По существу это замечание имеет более глубокую основу. В самой общей форме свою задачу «мирискусники» видели в том, чтобы преодолеть утилитарный, по их мнению, подход к искусству, повысить художественную культуру в изобразительном творчестве, утвердить в качестве главного свойства искусства его право на красоту. До тех пор пока эти вопросы связывались с приобщением русского искусства к европейскому, затруднений не возникало. Гораздо сложнее становилось, когда подобные «возрожденческие» идеи нужно было обосновывать с точки зрения связи с национальной художественной традицией и ее духовными основами. Здесь «мирискусники» вовлекались в более широкий круг острых философских дискуссий о судьбах России, о ее нравственных и религиозных идеалах. Это надо иметь в виду, выясняя причины сотрудничества с журналом «Мир искусства», несмотря на напряженные отношения и внутриредакционную борьбу таких писателей, как Д. Мережковский, В. Розанов, Л. Шестов и др. Вероятно, что именно интерес к историческим путям русской культуры стал главным объединяющим началом литераторов и художников, хотя и преломлялся он у них через совершенно разные мировоззренческие категории.

Основной мотив расхождения взглядов Философова и Бенуа – это понятие «религиозности» и «национальности» художественного творчества. Во многом эта тема имеет не только проблемный, но и историко-культурный аспект, раскрывать который не входит в задачи данной статьи. Здесь же важно сосредоточиться на том, что религиозное сознание в поэтике русского искусства рубежа XIX–XX вв. трудно определяется логическим путем, но предполагает внятную методологическую основу для его анализа. Мы имеем в виду известный тезис, варьируемый философами и деятелями культуры и искусства, так удачно сформулированный Н. А. Бердяевым: «Искусство – абсолютно свободно. Искусство – свобода, а не необходимость. <…> Ибо последние глубины всякого подлинного искусства – религиозны. Искусство религиозно в глубине самого художественного творческого акта»[2].

Суждения о том, что искусство – это путь к богопознанию и открытию высшей истины – характерны для многих мыслителей рубежа веков. При этом важно, что такая точка суждения распространялась не только на нравственное содержание избранных сюжетов, но и на понятие «художественности». Христианство входило в русское искусство XIX в. одновременно и как вера, и как мифологизированный тип сознания, и как объект наблюдения за мироощущением народа. Отсюда вытекала симптоматичная неспособность художника воплотить взятый изнутри своей души образ, о чем свидетельствует сопоставление смысловой емкости полотен с их художественными качествами. И тут дело касалось не только индивидуальных возможностей мастера. Сложность заключалась именно в поэтике самой культуры, художники много размышляли о внутренней связи христианской идеи и наглядного образа и прекрасно осознавали возникающие здесь трудности. Во многом это и толкало некоторых живописцев на радикальные взгляды о необходимости изменения всей живописно-пластической системы.

Именно эту проблему «воплощения» религиозной веры в чувственно-наглядный образ не учитывает Философов при оценке творчества Иванова. Он стремится подробно и доказательно объяснить, что «**русского** в творчестве Иванова ничего нет», под «русским» подразумевая, «не русские „сюжеты“, совершенно бессозна-

тельный стихийный элемент национальности, присущий, может быть, и помимо воли, всякому великому художнику»[3]. И далее он пишет: «Я хочу только объяснить, что выставлять Иванова каким-то гениальным воплотителем чисто русских, национальных религиозных идеалов – каким-то самородком русской философской мысли XIX в., как это делает г. Бенуа – неправильно и ни на чем не основано»[4].

Главные претензии Философова к Иванову, как к выразителю национальных идей, заключаются в обвинении в необразованности, спутанности суждений, беспомощности и увлеченности. В его оценке Иванов, утративший всякую связь с Россией, всю жизнь метался от одной идеи к другой, ни одну из них не доведя до конца. Однако Бенуа как художник и человек более чуткий видит за этим более глубокий смысл. Он пишет: «Положим, Иванов так и не разобрался в мучивших его сомнениях, но нам думается, это только говорит в пользу „честности" его мысли, так как по **самой своей сути эти вопросы едва ли разрешимы** (здесь и далее выделено А. Бенуа – *А. Я.*). <…> Спутанность и беспомощность Иванова представляется мне бесконечно более почтенной и даже драгоценной, нежели, без сомнения, **жалкая** самоуверенность профессоров философии и теологии, для которых никаких загадок и сомнений не существует»[5].

Действительно, в XIX в. трудные поиски художественного сознания эпохи сопровождались мучительной саморефлексией и строгим анализом жизненной и творческой миссии. Это время ставило вопросы, заостряло проблемы, но не находило их разрешения. В этом его великая трагедия, но и его непреходящая ценность. В оценке Бенуа Иванов предстает именно как символ тесного переплетения религиозно-философских и художественных исканий, и неудачи художника на этом пути только еще сильнее подчеркивают его искренность и честность. То, что Философов ставит в вину художнику, а именно – его неуспокоенность, противоречивость, неустроенность, податливость – Бенуа ценит как важную национальную черту. В этом столкновении обнаруживается разность точек зрения, с которых они смотрят на живописца.

Бенуа предпочитает все-таки более судить об Иванове с художественной стороны. Он пишет: «Не скрою, что и я только **чую** национальность, смысл и значение России, и ничего ясного и определенного об этом сказать не умею. Не спорю, что, выставляя Иванова, как представителя русских идеалов, русского отношения к религиозной Тайне – я не имел в виду определенной, вернее, определимой программы и теории, а руководствовался чисто **инстинктивными ощущениями**. Знаю, что такое заявление только лишний раз убедит моего оппонента в моей несостоятельности и в моем легкомысленном отношении к делу и, однако же, не думаю каяться, так как глубоко убежден, что другого отношения, кроме такого **инстинктивного чутья, в этих вопросах быть не может**»[6]. Бенуа считает первым источником для суждения об Иванове его художественные произведения, для Философова – его переписку и философские увлечения. А в творчестве живописца не всегда эти два источника тождественны.

Для Бенуа одним из главных художественных качеств являлась творческая свобода от каких-либо рамок и ограничений. В связи с этим творчество Васнецова он со временем стал рассматривать как национально-романтический догматизм, который значительно сужал перспективы развития искусства. Оценивая живописный ансамбль росписей Владимирского собора, критик справедливо упрекал художника, в том, что его образы похожи на персонажей его сказочных картин. Стараясь понять это качество васнецовской церковной живописи, можно было бы вспомнить характерное для рубежа веков стремление художников к театральной зрелищности. Но в своей категоричности Бенуа забывает, что подобные импульсы далеко не исчерпывали творческих побуждений Васнецова. Идейная основа росписей во Владимирском соборе заключался во всеохватном стремлении к идеалу, связывающем в едином порыве художника с народом, на что указывает Философов. Г. Ю. Стернин пишет, что «Васнецов был художником-однодумом с необычайно сильной и индивидуальной творческой волей. Но свой личный взгляд на мир ему хотелось растворить в народных представлениях о Боге и красоте. Отсчет шел не от реальных исторических драм, а от мечты и поэтической фантазии»[7]. Конечно, такой подход мало соответствовал канонам росписи православного храма, но в своем стремлении вызвать к новой жизни эстетические идеалы прошлого Васнецов вписывался в проблематику русского искусства XIX в.

Итак, полемика Философова и Бенуа на страницах «Мир искусства» по поводу национальной художественной традиции ясно обозначила возрастающие разногласия между сотрудниками журнала. По существу она имела под собой более глубокую основу и выходила за рамки споров об эстетических предпочтениях. Вообще, примечателен сам факт подобной рефлексии и стремление выявить внутреннее соотношение основных этапов национально-

го художественного сознания. Отстаивая свои убеждения, «мирискусники» вовлекались в широкую сферу острых философских дискуссий о судьбах страны, о традициях и дальнейших перспективах России.

Надо признать, что Бенуа и его сторонники с большим сомнением смотрели на «теургические» притязания литераторов. Художники «Мира искусства» не стремились создавать теоретических доктрин, а хотели работать в сфере конкретных реалий культуры. Потому желанный синтез телесного и духовного начала они находили не в романтических умозаключениях, а во вполне конкретных произведениях искусства. Полемика Философова и Бенуа показала два абсолютно разных понимания искусства. Бенуа и его сторонники предпочитали рассматривать явления, в первую очередь, с их эстетической стороны, литераторы предполагали, прежде всего, анализ их идейной значимости. Потому весьма показательно, что основные суждения Философова касаются не столько пластических качеств произведений художника, сколько его личности, ума и веры.

Таким образом, словосочетание «чистое искусство», которое много раз пытались превратить в эстетическое кредо «Мира искусства», скорее представляет собой поэтический образ творческой свободы, о которой так мечтали участники объединения. На самом же деле, разноплановые взгляды и убеждения сотрудников журнала отражают сложную атмосферу и мучительные поиски эпохи, которая поставила так много вопросов и не нашла ни одного ответа.

Примечания

[1] Философов Д. В. Иванов и Васнецов в оценке Александра Бенуа // Мир искусства. 1901. Т. 6, № 10. С. 218.

[2] Бердяев Н. А. Философия свободы. Смысл творчества. М.: Правда, 1989. С. 458.

[3] Философов Д. В. Указ. соч. С. 226.

[4] Там же. С. 227.

[5] Бенуа А. Н. Ответ г. Философову // Мир искусства. 1901. Т. 6, № 11. С. 302.

[6] Там же.

[7] Стернин Г. Ю. Два века: очерки рус. худож. культуры. М.: Галарт, 2007. С. 198.